

Двуликий Янус обернулся

Ngozi Okonjo-Iweala

Reforming the Unreformable Lessons from Nigeria

MIT Press, Cambridge, Massachusetts, 2012, 202 pp., \$24.95 (cloth).

Рассказанная Нгози Оконжо-Ивеала история совершенного Нигерией скачка от экономической неустойчивости, инфраструктурного и институционального хаоса к более высокому уровню стабильности является исключительной. Она могла быть написана только нигерийкой, бывшей на передовой процесса экономической перестройки и реформы управления.

История рассказана с убедительной подробностью. Понятным языком разъясняются ключевые экономические моменты и даются открытые описания проблем, стоявших перед группой экономистов, которую она возглавляла как министр финансов в период с 2003 по 2006 год. Она оценивает положительные, а также неоднозначные результаты макроэкономических реформ, проводившихся в течение двух сроков президентства Олусегуна Обасанджо. Она бесстрастно рассказывает историю, отмечая дальновидность Обасанджо, говоря о своих собственных достоинствах и ошибках в ходе этого процесса, и снисходительно описывает, как некоторые пытались помешать ее успеху или вставить палки в колеса процессу преобразований.

Распространенное мнение заключалось в том, что Нигерия не сможет выбраться из своего экономического болота в силу «проклятия» нефтяным богатством, милитаризма, вмешательства государства в экономику и коррупции на региональном и местном уровне. Но Оконжо-Ивеала показывает, что это неверно. К 2007 году Нигерии удалось стабилизировать макроэкономическое

положение, уменьшить инфляцию, вдвое повысить экономический рост до 6–7 процентов и начать заново строить системы образования и здравоохранения. Автор показывает, что смелое руководство страной в сочетании с заботой о благосостоянии граждан может быть мощной силой для изменения экономики.

В числе уроков, которые можно вынести для реформаторов из опыта Нигерии, Оконжо-Ивеала подчеркивает необходимость в плане, которому могла бы следовать группа экономистов, в действенных механизмах информационного взаимодействия и сосредоточенности на результатах, которая привлекает на свою сторону гражданское общество и население. Политическая воля внутреннего руководства сыграла большую роль, — говорит она. Но принципиальный поворот ситуации в Нигерии был двуликим: он также потребовал стратегического помощи и партнерских взаимоотношений с международным сообществом.

Например, бразильский бизнесмен Амару Бьер посоветовал ей собрать «группу экономистов-единомышленников, которые могли бы объединиться и вести тяжелые сражения», а премьер-министр Соединенного Королевства Тони Блэр и президент Всемирного банка Джеймс Вульфенсон сообщили, что стратегия макроэкономических реформ может впоследствии открыть дверь успешным переговорам об облегчении бремени долга.

Оконжо-Ивеала подчеркивает актуальность африканского опыта для разработки стратегий экономических реформ. Спровоцированный нефтью экономический кошмар Нигерии и последующий подъем находились под влиянием истории древних этнических и культурно-религиозных общин, действовавшего по принципу «разделяй и властвуй» колониализма и войны между Нигерией и Биафром в 1967–1970 годах, за которой последовали 25 лет военного правления и сельскохозяйственного и социального истребления. Но она уверена, что качественное управление всегда сказывается на конечном результате.

Основными результатами стало уменьшение утечек в бюджетном процессе, введение основанного на цене нефти бюджетного правила, позволившего добиться большей прозрачности бюджетов, достижение макроэкономической стабильности к 2006 году, увеличение иностранных резервов, снижение инфляции и ставок по кредитам и достижение экономического роста на уровне 7 процентов. В 2003 году правительство Обасанджо начало приватизацию, дерегулирование и либерализацию.

Самыми трудными задачами оказалось проведение реформ государственной службы для улучшения ее работы и рационализации пенсий и устранение коррупции вокруг торговли, системы внешне-торговых тарифов и таможи. Плохо образованные государственные служащие подкрепляли свою жалкую заработную плату, разрешая элите уводить доходы государственных ведомств и использовать эти средства для повышения своего статуса как региональных благодетелей. Говорят, что неожиданный перевод Оконжо-Ивеалы с должности министра финансов на должность министра иностранных дел в 2006 году был связан с ее нежеланием мириться с нарушениями закона со стороны политиков в сфере импорта риса, которые использовали эти средства для усиления партийной лояльности.

Этот рассказ позволяет заглянуть за кулисы истории Нигерии и показывает трудности, с которыми приходится сталкиваться, чтобы начать макроэкономические реформы в африканском обществе, разнообразные политические классы которого извлекали выгоды из ненадлежащего управления ресурсами, финансовой ликвидности, распада сельского хозяйства, уничтожения системы образования и унижения граждан. Оконжо-Ивеала показывает, насколько устрашающей была задача вырвать нефтяные доходы из рук политиков и подтолкнуть Нигерию к стабильному, диверсифицированному, определяемому рынком и социально ответственному экономическому руководству.

Оконжо-Ивеала, которая в 2011 году после четырех лет работы во Всемирном банке вернулась в страну в качестве министра финансов при президенте Гудлаке Джонатане, заканчивает книгу, глядя в будущее, и признает, что успех Нигерии может помочь преобразованиям во всей Африке. Она задается вопросом, удастся ли удержать завоевания реформ и приведут ли они к дальнейшему росту в Нигерии, и если да, то могут ли они стать моделью для остальной Африки. Она вновь отмечает важность поддержки и мониторинга со стороны мирового сообщества, а также сохранения приверженности Нигерии задачам борьбы с коррупцией, укрепления макроэкономических основ и продвижения в сфере реформ финансового сектора.

Нам остается только задаться вопросом о том, насколько долгосрочный характер имеют эти сдвиги.

*Гвендолин Микелл,
профессор антропологии
и международных отношений,
Джорджтаунский университет*

Крупным планом

Yegor Gaidar

Russia

A Long View

MIT Press, Cambridge, Massachusetts, 2012, 525 pp., \$39.95 (cloth).

Егор Гайдар, главный архитектор экономических реформ начала 1990-х годов, приведших к созданию в России рыночной экономики, также является прекрасным писателем и ученым — эти качества хорошо демонстрирует данная книга.

В российском издании, вышедшем в 2005 году, основное внимание сосредоточено на природе экономического роста, и эта книга внесла заметный вклад в проводившиеся в России дискуссии относительно необходимости модернизации экономики. В издании на английском языке опущены некоторые подробности экономической политики в России и добавлен короткий эпилог, написанный в 2009 году незадолго до смерти Гайдара, так что лишь примерно треть этой книги фактически посвящена России.

Сначала Гайдар дает общий обзор мировой истории, начиная с неолита и двигаясь через рассмотрение римских и греческих городов-государств, затем статичных аграрных и кочевых обществ, и приходит к истокам современного экономического развития в Европе.

В книге есть интересная глава о марксистских идеях относительно экономических преобразований и еще одна — об определяющих факторах экономического роста и связанных с этим изменениях в общественном устройстве. Главы, посвященные экономической истории России и СССР, подробны и сбалансированны.

Последняя часть книги посвящена проблемам «постиндустриального мира» — главным образом западных стран. В их числе проблемы, создаваемые старением и уменьшением населения, размерами государства, негативными стимулами систем социального обеспечения, высокой стоимостью государственных пенсий, качеством государственного образования, финансированием здравоохранения с ростом издержек, коррупцией и политикой экономической реформы. Анализируя эти проблемы, Гайдар извлекает уроки для России.

В результате получается картина, написанная широкими мазками, даже несколько отрывочная. (В самом деле, подзаголовок издания на русском языке — «Очерки экономической истории».) Но она покоится на прочном фундаменте исключительно широкой начитанности Гайдара, что видно из подробных примечаний в конце книги. Хотя Гайдар и является экономистом, он идет намного дальше чисто экономического анализа и пишет скорее в духе Шумпетера, Маркса или Кузнецца, чем языком современных историков от эконометрии.

Однако он также умело использует и статистические заключения, например, сравнивая Россию с западными странами в последние годы, когда они име-

себе прибыль от своих инвестиций. Современный экономический рост начался в Европе с торговцев городов-государств, географических открытий, эмбриональных финансовых систем и более надежных прав собственности. Для роста важны культурные факторы: например, значимость семейных связей в некоторых странах может сдерживать развитие деловых отношений на принципах независимости сторон и вести к формированию системы кланового капитализма.

Советская экономика развалилась, поскольку она создавала негативные стимулы к нововведениям и повышению международной конкурентоспособности, подавляла сельское хозяйство и стала зависимой от экспорта нефти и газа для финансирования своего неэффективного функционирования. Падение цен на нефть в 1980-х годах вызвало кризис. Трансформационный спад в России после распада СССР в 1991 году и начала экономических реформ в 1992 году был неизбежным и не являлся результатом конкретных проводившихся реформ, — утверждает Гайдар.

Здесь Гайдар извлекает некоторые уроки для России. Ей необходимо стимулировать иммиграцию, чтобы компенсировать уменьшение населения вследствие естественных факторов,

России есть чему учиться у стран Запада.

ли сходные уровни валового внутреннего продукта на душу населения. Говорит Гайдар о статистике, политической философии или ведет историческую полемику, его стиль всегда остается четким и живым, как и подобает бывшему журналисту.

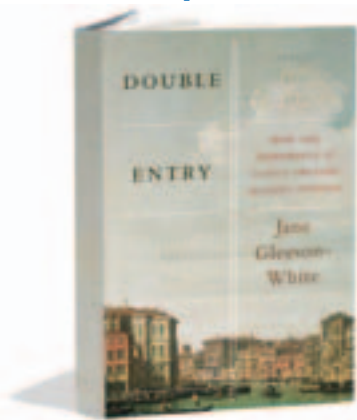
Здесь можно лишь бегло представить некоторые из выводов Гайдара. Он считает, что с развитием стран меняется и их институциональная система, что соответствует марксистскому представлению об определяющей роли технологии для социальных и политических отношений. (Возможно, Гайдар особо подчеркнул этот момент, чтобы поставить печать марксистского авторитета на непопулярный в России взгляд, что России есть чему поучиться у западных стран.) Традиционные аграрные общества росли довольно медленными темпами до тех пор, пока не произошло ослабление их элиты, извлекавшей прибавочную стоимость из масс и расходовавшей ее на потребление или войну, и пока другие не смогли оставлять

повысить пенсионный возраст и стимулировать развитие частных пенсий. Он говорит, что практически нет возможностей для увеличения размера государства. Государство должно финансировать базовый уровень медицинского обслуживания, за пределами которого издержки должны покрываться страхованием, и стимулировать развитие рыночных механизмов в сфере образования и здравоохранения. России следует сменить свою сегодняшнюю систему регулируемой демократии — где группы с узкими интересами душат реформы и процветает коррупция — активной демократией, способствующей реформам.

В целом рекомендации Гайдара отражают несколько консервативный взгляд на роль государства и рынка в будущем, и он умело и эрудированно обосновывает свою позицию.

*Джон Одлинг-Сми,
бывший директор Второго
европейского департамента
МВФ (по бывшему СССР)*

Дебет и кредит

Jane Gleeson-White

Double Entry

How the Merchants of Venice Created Modern Finance

W. W. Norton & Company, New York, 2012, 304 pp., \$26.95 (cloth).

В этой удивительно легко читающейся книге Джейн Глисон-Уайт дает красочное описание зарождения и развития бухгалтерского учета на основе двойной записи. Установив происхождение современного бухгалтерского учета, Глисон-Уайт начинает двигаться в более спорном направлении, утверждая, что двойная запись стала условием богатства и процветания в эпоху Ренессанса, подтолкнула развитие капитализма и была кардинальным элементом, обусловившим возникновение системы национальных счетов, теорию которых выдвинул Кейнс. Со всей этой исторической мощью двойная запись теперь способна привести к «созиданию или разрушению планеты» в XXI веке.

Первая половина книги, описывающая жизнь и карьеру основателя бухгалтерского учета на основе двойной записи Луки Пачоли (1445–1517), представляет собой захватывающую историю. Блестящий ум Пачоли нашел себе достойное применение в его деятельности как математика, мага и францисканского монаха. Пользуясь изобретением станка Гутенберга, он опубликовал несколько книг, в том числе первую математическую энциклопедию Ренессанса, включавшую бухгалтерский трактат, в котором превозносились достоинства венецианского бухгалтерского учета на основе двойной записи, в основном благодаря которому имя Пачоли и осталось в веках.

Нарушив традицию, Пачоли написал свой трактат общедоступным языком, благодаря чему его могли прочесть не только профессионалы. Это способствовало более широкому применению системы, и книга сыграла значительную роль в постепенной замене в Италии римских цифр индоарабскими.

Если перенестись на несколько веков вперед, наследие системы двойной записи очевидно: финансовая отчетность акционерной компании отражает намерение Пачоли узнать «хорошо ли идут ее дела». Развитие стандартов и принципов бухгалтерского учета также, несомненно, определялось системой бухгалтерского учета на основе двойной записи. К сожалению, в последующих главах книги автор склоняется к тому, чтобы придать излишнюю сенсационность последствиям изобретения и влиянию бухгалтерского учета на основе двойной записи (или по крайней мере преувеличить их). Как и широко эксплуатируемый «эффект бабочки» (когда зарождение урагана прослеживается до исходного взмаха крыльев бабочки), двойной записи приписывается определяющая роль во всех недостатках современных решений, основанных на данных бухгалтерского учета. Даже в деле Форда Пинто 1977 года (автомобильная компания использовала основанный на данных учета анализ выгод и издержек для принятия решения о том, чтобы не вкладывать лишних денег в устранение небезопасного элемента конструкции автомобиля Пинто) автор винит бухгалтерский учет на основе двойной записи, который «превратился в требование повсеместной калькуляции и создал культуру, в которой возможны рассуждения, ведущие к бессердечным решениям». Однако очевидно, что бухгалтерский учет является лишь одним из инструментов человеческой жадности и бессердечности.

Довольно неожиданно книга также без особых оснований перескакивает на спорные рассуждения о природе бухгалтерского учета как социального явления. Глава 7 называется «Двойная запись и капитализм — курица и яйцо?» и готовит читателя к объективному обсуждению того, создала ли система двойной записи условия для процветания капитализма или наоборот. Однако через несколько абзацев становится очевидно, к какой стороне склоняется автор: тезис немецкого экономиста Вернера Сомбарта (1924 года) о том, что учет по системе двойной записи был мощнейшим ин-

струментом и привел к развитию новой социально-экономической системы, «уравновешивается» лишь приводимой вскользь ссылкой на противоположные аргументы южноафриканского экономиста Базиля Ями. Подборка библиографии и цитат также тенденциозно направлена против более общепринятых представлений, что бухгалтерский учет является результатом социальной организации и связанных с этими процессами движущих сил.

А от утверждения, что система национальных счетов происходит от бухгалтерского учета на основе двойной записи, поднимаются брови, особенно если вы бухгалтер, знакомый с балансами и учетом по методу начисления. *Общая теория* Кейнса предполагает агрегирование объема производства на основе суммы потребления и инвестиций, что, по сути, является тождеством, которое должно всегда выполняться по определению, а не бухгалтерским журналом, в котором кодифицируются, классифицируются и объединяются активы, обязательства, доходы, расходы и капитал страны (посредством параллельных дебетовых и кредитовых проводок).

Если оставить в стороне эти придиришки, книга хороша для чтения и для бухгалтера, и для небухгалтера. Глисон-Уайт берет бодрый темп и с мастерством дает портреты различных персонажей, достигая баланса между деталями и обобщениями. Раскрывая некоторые увлекательные жемчужины информации, она оживляет Пачоли. Можно только догадываться, например, какими кулуарными маневрами Пачоли удалось добиться назначения настоятелем монастыря всего лишь через несколько месяцев после того, как монашеское братство его монастыря в конце 1509 года, жалующься на стиль жизни Пачоли, подало петицию о том, чтобы лишить его папских привилегий и всех административных должностей!

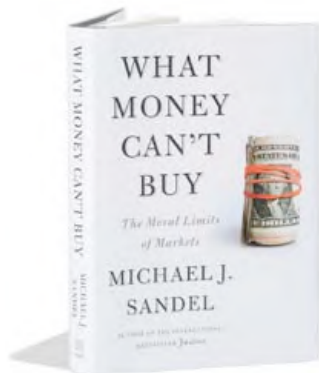
Как бухгалтерский учет может привести к «созиданию или разрушению планеты»? Для Глисон-Уайт ответ лежит в лучшем понимании того, как измерение (или отсутствие измерения) стоимости ресурсов определяет развитие мировой экономики. Это ценное начинание, и почти наверняка Пачоли был бы счастлив принять этот вызов.

Кристофер Хемус,

заместитель директора

Финансового департамента МВФ

Когда все на продажу

Michael Sandel

What Money Can't Buy

The Moral Limits of Markets

Farrar, Straus and Giroux, New York, 2012, 244 pp., \$27.00 (cloth).

Финансовый кризис оживил уже давно возникшее у людей подозрительное отношение к свободным рынкам. Недовере не ограничивается протестующими в рамках движения «Захвати»; даже аполитичные люди задаются вопросом, не правда ли, как утверждают «захватчики», что рынки способствуют жадности и разлагают социальные связи. Это изменение в общественных настроениях должно радовать Майкла Сандела и благоприятствовать его недавно вышедшей книге «Что не купишь за деньги: моральные ограничения рынков». Читатели, которым интересно подумать о социальных последствиях работы свободных рынков, получают немалую пищу для размышлений, но, вероятно, они останутся неудовлетворенными. Однако целью профессора политических наук Сандела не является переворот сознания на 99 процентов. Он хочет, чтобы его читатели задумались о последствиях того, что рынок входит во все мыслимые сферы нашей жизни.

Сандел проводит различие между рыночной экономикой, которая, по его мнению, способствует здоровью и процветанию, и «рыночным обществом». В рыночном обществе все может покупаться и продаваться — человеческие органы, тюремные камеры первого класса для богатых заключенных, воинские контракты для гражданских солдат и права для корпораций на выбор углекислого газа. Что еще более коварно, рыночное общество позволяет экономической логике пропитать собой социальную и политическую жизнь.

Сандел, безусловно, прав, утверждая, что современная экономическая теория стала нашей главной наукой о поведении. Модель субъекта, взвешивающего издержки и выгоды, максимизирующего полезность и реагирующего на стимулы, — он отмечает все большее распространение этого грубого слова «стимулировать» — забила собой другие способы описания человеческого поведения, особенно в сфере государственной политики.

Сандел считает, что рыночное общество несет с собой два принципиальных результата — во-первых, оно усиливает неравенство. По его словам, за счет того, что придается «большее значение деньгам», неравенство доходов подталкивает увеличение социального неравенства. Публичные места общественного пользования, в том числе школы, парки, очереди в театр и на пунктах досмотра в аэропортах, возможно, и не создают сердечной близости людей, но они могут рассматриваться как яркий идеал демократического равенства.

И что происходит, когда богатый лоббист нанимает кого-то, чтобы тот занял ему очередь на слушания в конгрессе или когда топ-менеджер подписывается на эксклюзивную программу медицинского обслуживания, которая за немалую годовую плату гарантирует ему индивидуальное внимание, пока все остальные ждут в приемной отделения экстренной помощи? Каково влияние на социальные взаимоотношения того факта, что управленец из какого-либо СМИ может наслаждаться большой американской игрой из комфортной ложи, вдали от напитанных пивом трибун?

Сторонники рынка могут защищать подобное неравенство, говоря, что покупатель и продавец действуют свободно, но Сандел с опаской говорит о другой динамике. Деньги могут быть билетом к свободе, особенно в условиях большого неравенства. Например, для туземной индийской женщины, продающей свои услуги как суррогатной матери, бедность вызывает «своего рода принуждение».

Еще одним пагубным следствием рыночного общества является то, что оно разлагает предметы и услуги, которые оно выставляет на продажу. Экономисты протестуют, говоря, что рынки нейтральны в отношении экономических сделок, но Сандел считает иначе: «Рынки не только распределяют товары, но они также выражают и распределяют определенное отношение к товарам, являющимся предметом сделок». Когда цена и эффективность становятся единственным мерилем стоимо-

сти, они вытесняют собой более высокие человеческие мотивы. Сандел отмечает, что есть вещи, которые невозможно купить за деньги: вы не можете, например, нанять кого-нибудь, чтобы он за вас посидел присяжным в суде, поскольку быть присяжным — это обязательство гражданина, которое не может быть переведено в денежную форму.

Насколько это правда? Сандел не приводит практически никаких результатов эмпирических исследований. В любом случае, с легкостью находятся исключения. Он выступает против подарочных сертификатов, поскольку, по его мнению, они позволяют людям обойти расходы времени и силы на размышления, которые требуются на покупку настоящего подарка. «Дружба и социальные механизмы, поддерживающие ее, определяются некоторыми нормами, подходами и добродетелями». Интересно, если я покупаю для своей племянницы подарочный сертификат большого универмага, потому что я не хотел бы расстроиться своим неверным выбором свитера, в самом ли деле у меня неправильный подход к тому, как делать подарки? Если мой друг нанимает писателя, чтобы тот сочинил ему тост на свадьбу (еще один приволимый Санделом пример мнимой растлевающей силы рынка), он приложит все силы, чтобы об этом никто не узнал. И это потому, что он знает, что повел себя как лентяй. Нормы остаются без изменений, хотя сознание меняется.

Что касается неравенства, конечно, богатые всегда откупались от скучных повинностей, дискомфорта и толп. Поэтому у них были индивидуальные железнодорожные вагоны и кормилицы. Сегодняшний день отличается не тем, что богатые сидят в ложах, а тем, что разросшаяся верхушка среднего класса сделала эту роскошь более распространенной и заметной. В любом случае, возникновение американского рыночного общества совпало с бумом филантропии, социального предпринимательства и работы на общественных началах, и это не укладывается в прогнозы теории Сандела. Сандел прав, что неравенство и недостатки человеческого характера являются проблемами в рыночном обществе, но это было неотъемлемой чертой любого общества, в течение тысячелетий до рождения Милтона Фридмана.

Кэй Химовиц,
пишущий редактор, City Journal;
старший сотрудник, Manhattan Institute;
автор книги "Manning Up: How the Rise of
Women Has Turned Men into Boys"